
Научная статья
УДК 398,2
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

**ТРИКСТЕРСКАЯ МОДЕЛЬ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ**

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. В произведениях устного народного творчества разных народов трикстериада занимает весьма весомое место. Данная статья посвящена анализу персонажей-зверей карачаево-балкарских сказок о животных, репрезентирующих архетип трикстера. Отмечается, что сказки являются не просто народной выдумкой, или прозаической переработкой мифов, но также и типическим воссозданием реальности, вернее, эстетически мотивированным отношением к этой реальности. Дается обоснование появления архетипического образа трикстера в зооморфных сказках карачаевцев и балкарцев как героя из архаической мифологии. В работе обосновывается значимость героя-трикстера в исследуемых рассказах. Изучаются основные поведенческие стереотипы антигероев. В статье освещается проблема построения трикстерских трюков на нескольких действиях-предикатах в карачаево-балкарских анималистических рассказах по схеме Е.М. Мелетинского.

Автор обращает внимание, что в анализируемых сказках о животных использование трюков дает возможность проследить сближение ролей зооморфного трикстера, который одновременно может быть и героем, и победителем, и жертвой, и убийцей. Он может позиционироваться как существо, поступками которого руководят такие инстинкты как: голод, злость, алчность, желание посмеяться над кем-то. В исследовании дается акцент на то, что в трюковых сюжетах наличествуют два центра – трикстер и антагонист, которые в фольклорных текстах к тому же иногда меняются местами.

Ключевые слова: трикстер, трюк, мифология, сказки о животных, антагонист

Для цитирования: Гергокова Л.С. Трикстерская модель в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 65–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

Original article

**THE TRICKSTER MODEL IN THE KARACHAY-BALKARIAN
ANIMALISTIC FAIRY-TALES**

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Abstract. In the works of oral folk art of different peoples, the tricksteriad occupies a very significant place. This article is devoted to the analysis of the animal characters of the Karachai-Balkarian fairy tales about animals, representing the trickster archetype. It

is noted that fairy tales are not just folk fiction, or a prosaic reworking of myths, but also a typical recreation of reality, or rather, the relationship to this reality. The substantiation of the appearance of the archetypal image of the trickster in the zoomorphic tales of the Karachais and Balkars as a hero from archaic mythology is given. The article substantiates the significance of the trickster hero in the stories under study. The main behavioral stereotypes of antiheroes are studied. The article highlights the problem of constructing trick tricks on several predicate actions in Karachai-Balkarian animalistic stories according to the scheme of E.M. Meletinsky.

The author draws attention to the fact that in the analyzed animal tales, the use of tricks makes it possible to trace the convergence of the roles of the zoomorphic trickster, who can simultaneously be a hero, a winner, a victim, and a murderer. He can be positioned as a creature whose actions are guided by such instincts as hunger, anger, greed, the desire to laugh at someone. The study focuses on the fact that in trick plots there are two centers – the trickster and the antagonist, which, in addition, sometimes change places in folklore texts.

Keywords: trickster, trick, mythology, animalistic fairy-tales, antagonist

For citation: Gergokova L.S. The trickster model in the karachay-balkarian animalistic fairy-tales. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

Как известно, фольклорные произведения (сказки, мифы, легенды и др.) являются неотъемлемой частью любого языкового сообщества. Бесспорно, прав в своем высказывании А.И. Никифоров, что «Сказка – один из популярнейших жанров фольклора, имеющий более чем столетний период научного собирательства и изучения. Общее количество собранных вариантов в международном масштабе исчисляется десятками тысяч вариантов. Сказка – едва ли не важнейший в смысле исторической давности и, следовательно, исторической ценности вид фольклора» [Никифоров 2008: 70]. На различных стадиях формирования сказка у разных народов, в разные эпохи выполняла многообразные функции, и расценивались не одинаково. Следовательно, значимость аналогичных, иногда одинаковых по содержанию фольклорных текстов исторически всегда отличалась.

Сказки о животных мало заботятся о правдивости. Главными сюжетами, напомним мифологического времени, для анималистических сказок по Костюхину является трикстериада: «Основной путь формирования животного сказочного эпоса – циклизация повествовательного материала вокруг зооморфного трикстера, теряющего сакральное значение» [Костюхин 1987: 64]. Появившись и проявив себя в мифах, трикстерское начало утвердилось в карачаево-балкарском сказочном животном эпосе. Считается, что подобные рассказы, рождались из наблюдений над животными первобытных людей, воспринимаясь последними по аналогии с человеческим социумом. «Уже тотемические мифы показали, как резко расходятся манеры и поступки мифологических и реальных животных. В сказках о животных положение не меняется: фигуры трикстеров предельно условны и насколько реальным фактам не соответствуют» [Костюхин 1987: 64].

В энциклопедических изданиях значение слова «трикстер» означает (от англ. *trick* – «хитрость», «обман», «фокус») – это обманщик, хитрец, плут, ловкач, добивающийся своих целей при помощи ловкого трюка» [Мифы... 2014] «...трикстер – человек или животное, отличающееся коварством, хитроумием, способностью к перевоплощениям. При этом в более развитых мифологиях трикстер зачастую понимается как второй творец мира или существо, которое сотворенный мир испортило (типичный пример – змей-искуситель из христианской мифологии)» [Королев 2021: 6].

Трикстер является одним из центральных образов, бытующих в своих различных проявлениях на всех этапах человеческой культуры. Со временем разум у людей развивается, и человек уже может осознавать категории как добро и зло. «По мере расширения сознания образ трикстера все же включается в осознаваемую часть мира, и, таким образом, в мифологию» [Королев 2021: 7].

Трикстер по своей природе бессистемен и безразличен последствиям своих проделок. Интриги, которые он строит, абсолютно бесцельны. Данный герой может совершать поступки как во благо другим персонажам, но так же и во вред. Все зависит от обстоятельств на тот момент, когда совершается действие. Следовательно, образ трикстера амбивалентен: один и тот же персонаж в сказках может выступать в роли героя и антигероя (трикстера).

Главными персонажами трикстерских циклов в анималистических произведениях фольклора являются обычные животные и птицы, насекомые и растения. В сказочных произведениях они в основном предстают как маленькие и слабые персонажи, которые хитростью и смекалкой одолевают более сильных. Люди всегда боялись необычного и непонятного больше чем опасного, но знакомого. Мы привыкли видеть в этих вымышленных произведениях зло в определенном нечеловеческом облике, чему полной противоположностью является облик добра, что давало нам возможность разграничить эти два понятия. Но спустя время, человек понял, что зло может встречаться и под маской добра и красоты.

Следовательно, общим для всех сказок мира является борьба добра со злом. Это обусловлено развитием самосознания и мировосприятия народа. Поэтому двойственный и неоднозначный образ трикстера стал популярен в животном эпосе изучаемого этноса. Образ трикстера в карачаево-балкарских анималистических сказках, встречается часто. В произведениях фольклора о животных он появляется в большинстве случаев в соперничестве между героями, и в результате их встречи глупый остается обманутым, иногда и убитым. Например, в сказке «Чычханни жомагъы» – «Сказка о мышонке» кот является героем-трикстером. Он обманом собрал всех мышей, а потом их всех перебил.

«Келген чычханланы юйге жыяды да киштик, тегереклерин цемент бла бегитеди. ... Мен хаджиликни ташладым, Эски кюйню башладым, – деп, башлайды кесип» – «Всех пришедших к нему мышей, кот собрал вместе и замуровал вокруг них цементом. ... Я отказываюсь от совершения хаджа, Начинаю старую песню, – сказав, начал их губить» [КъМФС III 2017: 653].

Во многих подобных сказочных историях в карачаево-балкарском фольклоре главными персонажами выступают трикстер и другие животные: ёжик, конь, верблюд, перепелка, но основными персонажами оказываются волк и лиса. Главным трюком трикстера является спор между ним и его противником. «Во всех трюках при всем их внешнем разнообразии складывается одна и та же ситуация: успех трикстера полностью зависит от действий антагониста, и потому его собственные действия направлены на то, чтобы, маскируя свои цели или предлагая антагонисту мнимые цели, моделировать его ответные реакции, управлять его поведением в выгодном для себя направлении. Для этого он, однако, должен все время учитывать не только свои интересы, но и интересы антагониста (второго субъекта), его цели, желания, мотивации, способы действовать [Кулешов 2007: 214]. Например, в сказке «Как лиса перехитрила волка» лиса одолевает волка, благодаря собственной ловкости и хитрости.

«Захотелось и волку сделаться лучшим среди волков, он и просит лисицу:

– Научи меня, как мне из серой шерсти сделать чёрную?

– Хорошо, – говорит лисица, – иди за мной.

Привела она его к большому костру и говорит:

– Прыгай через костёр!

Волк разбежался, прыгнул, угодил в огонь и сгорел. Посмеялась лисица над участью глупого волка» [НСБК 2003: 30–31].

В исследуемом фольклорном жанре часто встречаются сказки, где трикстер проигрывает своему находчивому антагонисту. Примером вышесказанному является сказка «Верблюд и лиса». Здесь лиса, увидев верблюда, пасущегося на лугу, решила хитрой уловкой сделать его своей добычей. Она убедила верблюда, что

степь принадлежит ей, и обещала привести свидетеля, который подтвердит ее слова. Встретив на пути волка, она уговорила его стать ее сообщником, а после полакомиться верблюжатиной. Но все пошло не по ее плану:

« – Раз так, – говорит верблюд, – то придётся мне уйти отсюда. Мне чужого ничего не нужно. Я вот нащипал травы, не все успел проглотить – она у меня во рту, – даже и ее я хочу вернуть хозяйке. Я сейчас открою рот, а ты, волк, достань эту траву.

Верблюд широко раскрыл рот. Только сунул глупый волк свою голову в рот верблюду, тот схватил его накрепко зубами» [НСБК 2003: 27].

Одним из основных сюжетов карачаево-балкарских сказок о животных является поиск способов, способы добывания пищи героями. То есть животные с постоянным чувством голода, все время пытаются найти пропитание. Между ними разгорается спор, заканчивающийся победой трикстера, который путем обмана, хитростью одолевает всех остальных персонажей.

Примером служит карачаево-балкарская сказка «*Айыу, бёрю, кызыл тюлкю*» – «Медведь, волк и рыжая лиса» [КъМФС III 2017: 663], где, образ лисы, являясь более слабым, среди других персонажей, все же побеждает всех. В начале сказки все звери предстают перед читателем как друзья, но когда их одолевает голод, дружба исчезает. Первой жертвой лисы становится волк, которого она вместе с медведем съедают. Потом лиса обманывает и медведя, сделав его слепым и немощным. «Смысловую нагрузку этих текстов составляют предикаты добывания, отчуждения и похищения, которые предполагают, кроме основной роли героя-добытчика, еще и роль его антагониста, т.е. хранителя объекта или соперника в потреблении добычи. На них, в основном, и направлены действия трикстера, который, чтобы облегчить себе доступ к объекту, стремится устранить контрагента или ограничить его активность. Средством этого устранения на поверхностных уровнях текста и оказываются трюки, обеспечивающие трикстеру его успех» [Новик 1993: 93].

На первый взгляд, кажется, что действия трикстера очень просты. Он или обманывает, или сам становится жертвой обмана. Но если обратиться к сюжету сказок, то понятно, что обстоятельства применения обмана, на самом деле сложные. Для данного действия должны быть вовлечены два или более участников («*Айыу, бёрю, тюлкю*» – «Медведь, волк, лиса» [КъМФС III 2017: 605], «*Бёрю, тюлкю, ат*» – «Волк, лиса, конь» [КъМФС III 2017: 716]). В сложившейся ситуации драматургия события создается с помощью диалога, что сопровождается определенной последовательностью действий-трюков.

Известный ученый Е.М. Мелетинский представил на анализе образа ворона, что трикстерские трюки, строятся на нескольких действиях-предикатах: мнимая угроза, мнимая приманка, коварный совет, подстрекательство, раздраживание, мнимая смерть, мнимое родство, мнимая слабость и т.д. Цель этих действий трикстера – добыча объектов [Мелетинский 1979].

Развивая идеи Е.М. Мелетинского, исследователь Е.С. Новик, в своей статье «Структура сказочного трюка» отмечает, что для отдельных «трюковых сюжетов характерна симметрия, превращение антагониста в пищу для себя / превращение себя в пищу для антагониста» [Новик 1993: 139].

Так, для достижения своей цели антагонист маскируется под доброжелателя, тем самым заманивает жертву в ловушку: он меняет роль, и убеждает противника, что перед ним друг. Трикстер обещает жертве помощь или вознаграждение. Например, в сказке «*Киштик бла чычханла*» – «Кот и мыши» [КъМФС III 2017: 631] кот, правдоподобными обещаниями, обманом выманивает мышей из норы и всех их съедает.

«Киштикни зорлугундан чычханла тауусулуп кылыргъа жетгендиле. Чычханла жыйылгъандыла да оноулашхандыла: киштик болгъан жерге бармазгъа,

анга кёрюнемезге. Киштик ашаргъа аш тапмай, кыйналып тебирегенди. Айлана-журой кетгенди да, чычханлагъа баргъанды. Чычханла тышына чыгъаргъа унамагъандыла.

Киштик айтханды:

– Сиз менден нек къркъбасыз? Мен кесим этген кёп терсликлерими Аллахха кечдирир ючюн Меккагъа хажиликге барама.

Чычханла ийнанмагъандыла. Киштик ант этгенди.

– Бизге тиймезге айт, – дегендиле.

Киштик:

– Аллах бла ант этеме – тиймем, – деп сёз бергенди» – «Из-за кошачьего угнетения мыши чуть совсем не исчезли. Мыши собрались и договорились: никогда не ходить туда, где есть кот, и не показываться ему. Кот, не находя еду, начал мучиться. Ходил-бродил и пошел к мышам. Мыши отказались выходить наружу (из норки).

Кот сказал:

– Почему вы меня боитесь? Я, чтобы искупить перед Аллахом многие свои грехи, иду в Мекку в хадж.

Мыши не поверили. Кот поклялся.

– Поклянись нас не трогать, – сказали.

Кот:

– Клянусь Аллахом, не трону, – сказав, дал слово».

Понятно, что в основе действий лукавого кота лежит обман. Хотя, то действие-обещание, совершенное котом, и является элементарным, но трикстер этим достигает своей цели.

В исследуемых фольклорных произведениях у каждого героя имеются свои трюки для одурачивания. Отдельные приемы оказываются уникальными для конкретного персонажа. Так, например, лиса притворяется, что ходит в гости к родственникам, а сама каждый раз съедает часть жира. Чтобы без жалости съесть коня, лиса и волк вступают в сговор, или же кот в угоду себе двусмысленно формулирует свою речь, чтобы обмануть свою потенциальную жертву, мышей, лиса обращается к противнику с льстивой речью и т.д.

Итак, можно отметить, что все трикстерские модели, выделенные Е.М. Мелетинским при рассмотрении палеоазиатского мифа о Вороне, присущи и для карачаево-балкарской анималистической сказки. Для этого посмотрим, как работает трикстерская модель в указанных сказках о животных.

– *мнимая угроза* (Лиса пугает врагов, что за ней идет войско):

«Тюлкюнню кёрюп бир-бирине:

– Бу бек иги къабынчыкъ боллукъ эди, – дейдиле.

Тюлкю уа аланы бу сёзюн эшитип, кеси да къркъгъандан къалтырай:

– Сиз мени ашай-ашай туурсуз. Алай ол келе тургъан халкъны кёремисиз, – дейди эмегенлеге.

– Не этедиле ала? – деп сорадыла эмегенле.

Тюлкю уа:

– Сизни ёлтюрюрге келедиле, – деп къркъутады эмегенлени.

– Да биз не этейик сора? – деп, сорадыла дагъыда эмегенле.

– Сиз а ол салам тюбюне киригиз, – деп, тюлкю алайда саламны кёргюзтеди. –

«Увидев лису, сказали друг другу:

– Она бы стала лакомым кусочком.

Лиса, услышав это, дрожа от страха, сказала великанам:

– Вы меня еще успеете съесть, но вы видите народ, который идет сюда?

– Что они хотят? – спросили великаны.

А лиса:

– Идут, чтобы вас убить, – сказав, испугала великанов.

– Что нам теперь делать? – спросили еще великаны.

– Вы спрячьтесь под этим стогом сена, – сказав, лиса показала стог сена. Как только великаны спрятались там, лиса подошла к стogu и сожгла великанов» [КъМФС III 2017: 579]

– *мнимая приманка* (Лиса заманивает медведя обратно в ловушку):

– Айыу, сен а къалайда, къалай тагъылып эдинг?

«Айыу баугъа кирди, къарт да барып, аны сынжыр бла, алгъын болгъаныча, жерине такъды. Сора тюлкю бла къарт, бауну эшигин, айыу чыкъмазча, къаты бегитдиле.

Айыу а энтгада ол баудан чыгълалмагъанды, дейдиле [КъМФС III 2017: 588] – «– Медведь, а ты где и как был закован?

Медведь зашел в сарай. Старик пошел и заковал его цепью в том же месте, где и раньше был прикован. Потом лиса и старик хорошо закрыли двери сарая, чтобы медведь не вышел.

А медведь, говорят, до сих пор не может выйти из этого сарая».

– *коварный совет* (Лиса убеждает медведя, что нужно съесть свои глаза, чтобы утолить голод);

«– Эй, жууугъум, тюлкю! Ол чайгъанагъанынг неди? Манга да къапдырсанг а, – деп тиледи.

– Да, чайнап а, не чайнарыкъма, ачдан кёзюмю чайнай турама. Кёзюнг а сени да барды, – деп къойду.

Ол ач болуп тургъан айыу аны эшитгенде, кёзюн къармап алды да, къапды. Чайнады-чайнады, бир да татыуун ангыламады.

– Да сен телими болгъанса? Сол кёзюн къапхан тёре боламыды? Онг кёзюнгю къапчы, татыууну кёрюрге, – деди.

Айыу кибик деп, бошму айтылгъанды. Ол жазыкъ мондай тюлкюге ийнанды. Онг кёзюн да чыгъарып къапды да, энди ажымсыз толу сокъур болду» [КъМФС III 2017: 601] – «– Эй, родственница лиса! Что это ты жуешь? Угости меня тоже, – сказав, попросил.

– Да, жевать, что я могу жевать, от голода жую свой глаз. А глаз и у тебя есть, – сказала.

Когда голодный медведь это услышал, выковырял свой глаз и откусил. Жевал-жевал, но вкуса так и не понял.

– Ты что с ума сошел? Разве есть такая традиция: есть левый глаз? Съешь правый глаз, тогда почувствуешь вкус».

Неспроста в народе говорят «глуп как медведь». Этот несчастный простак поверил лисе. Выковырял, съел и правый глаз, теперь он и вправду полностью ослеп».

– *коварный совет* (Лиса советует другим лисам опустить хвосты в воду и держать их там, пока рыба не клюнет, при этом спасает себя от волка):

«Къуйрукъларыгъызыны суугъа жиберигиз. Алагъа чабакъла илинип ауур болурла. Ол заманда къуйрукъларыгъыз бла тартып, чабакъланы чыгъарыгъыз да ашагъыз. Сора семиргенни кёрюрсюз, – деп къызындырды.

Тюлкюле керти да бир алаамат болабыз деп, бузгъа жатып, къуйрукъларын суугъа жибергенлеринде, терк окъуна къуйрукълары бузлайдыла. Ой, энди чабакъланы чыгъарып ашайыкъ деп сыгъынып-сыгъынып тартадыла да, бузлагъан къуйрукълары юзюлюп-юзюлюп чыгъадыла» [КъМФС III 2017: 602] – «Опустите свои хвосты в воду. Когда к ним прицепятся рыбы, они станут тяжелыми. Тогда потяните хвосты, вытащите рыбу и ешьте. Тогда увидите, как потолстеете, – сказав, заинтересовала.

Лисицы, подумав, что и вправду прекрасно заживут, легли на лед и опустили хвосты в воду. Очень быстро хвосты примерзли. Ой, теперь вытащим и съедим рыб, думая, поднатужившись, потянули, примерзшие хвосты выходили оторванные».

– *подстрекательство* (Лиса подговаривает медведя идти за звуком палочки, которую потом бросает в пропасть. За ней падает и медведь):

«– Мен аллынгда чырпыны жерге кьагъа барайым. Сен да аны тауушу бла ызындан келирге кюреш.

Экиси да тебиредиле. Тюлкю барады чырпы бла жерни кьагъа, аны тауушу бла айыу да ызындан бара, бир кьяа киришге жетдиле. Тюлкю кючбюсюреди: «Бу манга ким болады? Мен муну ызымдан тагып нек айланлыкъма. Бу манга не берликди? Андан эсе кьампайтып этинден бир иги тойсам иги тойюлюмю», – деп чырпыны тыхырдатып киришден энишге атды. Чырпыны шыхырдагъан тауушуну ызындан сокъур айыу да секирди. Ёлюп талагъа чулгъанды» [КъМФС III 2017: 601] – «–Я пойду вперед тебя, стуча прутиком. И ты по стуку постарайся идти вслед.

И вдвоем отправились в путь. Лиса шла, стуча по земле прутиком, медведь тоже шел вслед по шуму, так дошли до бровка отвесной скалы. Лиса, недовольная: «Кто он для меня? Зачем я должна таскать его за собой. Что он мне может дать? Не лучше ли мне убить и хорошо наесться его мяса? – сказала, постучала прутиком и бросила его вниз. Вслед за звуком прутика упал и слепой медведь. (Медведь) мертвый упал на поляну».

– *раздразнивание* (Лиса раздразнивает родителей детей, чтобы они побежали спасать их, а дальше совершалось действие, которое она спланировала, для достижения своей цели):

«Ары жетип, ол сабийлени аталарына-аналарына былай айтады: «Эй, аланла! Неге олтуруп турасыз, сизни жашларыгъыз бир-бирлери бла тойюшюп, бири-бирини башларын тешип, жилий турадыла.

Андан аталары-аналары, жабы-жуба, хахай этип, жашла ойнай тургъан жерге чабып башлайдыла» [КъМФС III 2017: 633] – «Добравшись туда, она рассказала их отцам и матерям: «Эй, люди! Что вы здесь сидите, ваши сыновья, подравшись друг с другом, разбив друг другу головы, плачут там!»

Тогда отцы и матери подсуетились, с криком бросились к тому месту, где играли их сыновья».

– *мнимая смерть* (Лиса притворяется мертвой, чтобы обмануть чабана):

«Къойла къатына жете баргъанлай, тюлкю, Зондарны букъдуруп, кеси уа, сюрюучюню туурасына чыгъып, ёле тургъан маталлы этип, тыпырдап башлады» [КъМФС III 2017: 684]. – «Как только они начали приближаться к овцам, лиса, спрятав Зондара, сама упала как умирающая перед взором чабана, и стала дергаться».

В определившихся обстоятельствах герои карачаево-балкарских сказок о животных действуют с помощью обмана, который проявляется в разнообразных формах. Как правильно отметил В.Я. Пропп, что обман является «основным композиционным стержнем» сказок о животных [Пропп 2000: 370]. В подобных произведениях фольклора встречаются разные формы одурачивания, благодаря которым, персонажи-трикстеры добиваются своей цели. «Он не совершает трюки просто для забавы, он всегда корыстен, мстителен и голоден. Однако истории о нем могут вызвать у нас смех над его безграничной глупостью или жадностью» [Платицина 2016: 204]. Это дает им выразить свое превосходство над более сильными противниками, чем они сами.

Таким образом, на основании анализа карачаево-балкарских анималистических сказок мы видим, что трикстером может быть практически каждое животное. Можно отметить, что главные черты такого персонажа хитрость, подлость, лукавство иррациональность поступков, плутовские проделки, благодаря которым, он может удовлетворить такие инстинкты как голод, алчность, жадность и любопытство и т.д. Чаще всего трикстер стремится добыть жену, еду, осуществляя функции культурного героя, но при этом нередко и сам остается одураченным.

Нерешительный в своих намерениях персонаж-трикстер всегда проигрывает своему противнику: герою не слишком долго размышляющему. Очень часто трикстер применяет трюк попросту для того, чтобы над кем-то подурочиться и посмеяться. Иными словами, одной из важных черт, которая выделяет ряд трикстерных персонажей, является то, что один и тот же герой способен разыгрывать разные роли, но это не может скрыть проявление его изнаночного состояния.

Список источников

- Королев 2021 – *Королев И.Е.* Животные-трикстеры в сказках // Юный ученый. 2021. № 8 (49). С. 5–11.
- Костюхин 1987 – *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 271 с.
- Кулешов 2007 – *Кулешов Р.Н.* Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции // Аналитика культурологии. 2007. № 1 (7). С. 214–218.
- КЪМФС III 2017 – Кърачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Кърачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. URL: <http://www.kbgi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).
- Мелетинский 1979 – *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 223 с.
- Мифы... 2014 – Мифы народов мира: энциклопедия. М.: ОЛМА, 2014. 304 с.
- Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. 376 с.
- Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. М.: РОУ, 1993. С. 139–152.
- НСБК 2003 – Народные сказки балкарцев и карачаевцев. М.: Российский Архив, 2003. 256 с.
- Платицина 2016 – *Платицына Т.В.* Животные-трикстеры в мифологии североамериканских индейцев // Вестник бурятского государственного университета. 2016. Вып. 2. С. 202–208.
- Пропп 2000 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

References

- KOROLEV I. E. *Zhivotnye-trikstery v skazkah* [Trickster animals in fairy-tales] IN: *Yunyj uchenyj* [Young scientist]. 2021. № 8 (49). P. 5–11. (In Russian)
- KOSTYUHIN E. A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and forms of animal epos]. Moscow: Science, 1987. 271 p. (In Russian)
- KULESHOV R. N. *Funkcional'noe znachenie obraza trikstera v arhaicheskoy tradicii* [Functional significance of the trickster image in the archaic tradition]. IN: *Analitika kul'turologii* [Analytics of culturology]. 2007. № 1 (7). P. 214–218. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak"* [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / executive editor H. H. Malkonduiev. Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. URL: <http://www.kbgi.ru/fmedia/3-Svod-karach-balk-folk.pdf> (date of access: 05.18.2021). (In Balkarian and in Russian)
- MELETINSKIY E. M. *Paleoaziatskij mifologicheskij epos. Cikel Vorona* [Paleoasian mythological epic. The Raven Cycle]. Moscow: Science, 1979. 223 p. (In Russian)
- Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]: encyclopedia. Moscow: OLMA, 2014. 304 p. (In Russian)
- NIKIFOROV A. I. *Skazka i skazochnik* [Fairy-tale and storyteller]. Moscow: OGI, 2008. 376 p. (In Russian)
- NOVIK E.S. *Struktura skazochnogo tryuka* [The structure of a fabulous trick]. IN: *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: ROU, 1993. P. 139–152. (In Russian)
- Narodnye skazki balkarcev i karachaevcev* [Folk fairy-tales of balkarians and Karachais]. Moscow: Russian Archive, 2003. 256 p. (In Russian)

PLATICINA T. V. *Zhivotnie-triksteri v mifologii severoamerikanskih indeicev* [Trickster animals in North American Indian mythology]. IN: *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2016. Issue 2. P. 202–208. (In Russian)

PROPP V. YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy-tale]. Moscow: Labyrinth, 2000. 416 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science Philology, Senior researcher of the sector karachay-balkarian folklore sector.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.